

*Л.В. Забровская**

Решение пограничных вопросов между КНР и КНДР

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена изучению истории формирования китайско-корейской границы. Пограничные связи рассматриваются как компонент государственных отношений между двумя странами. Хотя основные пограничные разногласия разрешены, но не устранены факторы, которые приводили к разногласиям в прошлом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, КНДР, пограничные конфликты, китайско-корейская граница, Цзяньдао.

Развитие межграничного сотрудничества остаётся актуальной темой китайско-северокорейских отношений. Это касается не только уточнения пограничной линии и её охраны, но и миграции корейского населения в или из КНР, организации приграничной торговли и создания зон свободной торговли на островах пограничных рек — Ялуцзян и Тумэньцзян.

После освобождения в 1945 г. Советской армией Маньчжурии и Кореи возник вопрос о статусе Цзяньдао (район к северу от р. Тумэньцзян), большинство населения которого составляли этнические корейцы. Этот вопрос решался непосредственно руководством КНР и КНДР. Каждая из сторон руководствовалась своим законодательством, определявшим внутреннее государственное строительство. Так, например, китайская сторона руководствовалась программой КПК, в которой после 1945 г. более не декларировался лозунг о предоставлении нацменьшинствам права на самоопределение, но было сохранено положение о возможности организации автономных районов в местах

* Забровская Лариса Вячеславовна, д.и.н., Отдел китаеведения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия; E-mail: larisa51@hotmail.com

их компактного проживания. Северокорейское руководство полагало, что территории, где преобладало корейское население, например, район Цзяньдао, должны войти в состав КНДР.

По свидетельству авторов книги «Корейский национальный автономный район нашей великой родины», после 1945 г. значительная часть населения Цзяньдао требовала самостоятельности, выдвигнув лозунг: «Автономия — плохо, самостоятельность — хорошо» [6, с. 12]. Однако в августе 1952 г. в КНР была принята «Программа об учреждении автономии для нацменьшинств», в соответствии с которой прошла санкционированная в Пекине кампания за учреждение в Цзяньдао корейского автономного района в рамках китайских границ. В том же году на территории бывшего Цзяньдао был образован Корейский национальный автономный округ с центром в городе Яньцзи. Административно этот округ делился на пять уездов. В 1953 г. корейское население округа составляло 538,3 тыс. чел., а по переписи 1955 г. — 543, 8 тыс., что составляло 70,1% всего населения этого региона.

В первые годы после образования КНР и КНДР их общая граница по Ялуцзяну и Тумэньцзяну была открыта для свободного перемещения населения. Однако после 1956 г. с началом репрессий в КНДР, отмечался массовый переход корейцев в Северо-Восточный Китай [3, с. 138]. После этого граница с обеих сторон была закрыта.

Об усилении границы в тот период времени свидетельствует «Соглашение между правительствами КНР и КНДР о сплаве леса по Ялуцзяну и Тумэньцзяну», заключённое в январе 1956 г. в Пекине сроком на 20 лет. В нём содержится ряд запретов, в том числе ограничение сплава дневным временем суток, прекращение всех работ при неблагоприятных погодных условиях (ст. 3). Пограничные власти КНР получали по этому соглашению большие возможности для контроля границы, чем соответствующие органы КНДР. Всё это затрудняло свободный переход границы северокорейцами, имеющими родственников в Корейском национальном автономном округе.

Если проследить развитие событий хронологически, то следующий 1957 г. отмечен в КНР выходом книги Е Шанчжи и Цзюнь Ли, в которой озеро на вершине горы Байтоушань полностью изображено на китайской территории. В ответ в 1958 г. в Пхеньяне был опубликован подробный географический атлас КНДР, где граница в верховьях Тумэньцзяна обозначена по самому северному истоку и включала часть озера на вершине горы Байтоушань в состав северокорейской территории [1, с. 28]. На этом картографическая демонстрация прекратилась, а сам пограничный спор перешёл в область публикации текстов старых договоров времён династии Цин.

Так, в 1959 г. в КНР был впервые опубликован китайско-корейский пограничный договор 1904 г., по которому оба государства согласились сохранить своим подданным свободный переход границы, а Корея навсегда отказывалась от прав на территорию так называемого Цзяньдао, где продолжали проживать корейские переселенцы [7, т. 1, с. 281–282]. В том же томе опубликовано и китайско-японское соглашение 1909 г., в котором обе стороны фактически повторили положения китайско-корейского пограничного договора 1904 г. и согласились с проведением пограничной линии по рекам Ялуцзян и Тумэньцзян. Контраргументов со стороны КНДР не последовало.

С началом «культурной революции» (1966–1976 гг.) состояние отношений между КНР и КНДР резко ухудшилось, что вынудило многих корейцев мигрировать из Северо-Восточного Китая в КНДР, поэтому в то время двусторонний контроль границы был усилен.

В разгар «культурной революции» на фоне ухудшения отношений между КНР и КНДР продолжился спор о принадлежности горы Байтоушань, что повлекло за собой конфликты на китайско-корейской границе на участке между городом Хесан (КНДР) и горой Байтоушань [2, с. 138]. Пик вооружённых пограничных столкновений пришёлся на начало марта 1969 г. и совпал по времени с известными событиями на о. Даманский. Из этого можно сделать вывод, что подобные провокации целенаправленно инициировались из Пекина.

Кроме того, в это время китайские пограничные власти переселили более 40 тыс. корейцев из пограничных с КНДР районов в отдалённые китайские провинции и к монгольской границе. Так, согласно переписи населения 1982 г., около 20 тыс. корейцев проживали в Монгольском автономном районе КНР и более 20 тыс. в пров. Хубэй, Хэнань и др. [8, с. 252]. Им до сих пор не разрешено возвращаться на земли предков.

В мае 1969 г. во время официального визита Председателя Верховного совета СССР Н. Подгорного в Пхеньян северокорейский лидер Ким Ир Сен поставил советскую сторону в известность о том, что КНР «претендует на 100 кв. миль корейской территории в районе горы Байтоушань» [2, с. 139]. Советский руководитель заверил северокорейцев во всемерной поддержке их интересов «против китайских территориальных захватов».

По мере угасания «культурной революции» руководство КНР реанимировало традиционный подход в отношениях с соседними странами, возродив принцип *и и чжи и* («использование варваров против варваров»), что в современных условиях воплотилось в проведении дифференцированной политики в отношении социалистических стран, противопоставлении одних другим. На фоне ухудшения

отношений с СССР китайская сторона предприняла шаги по улучшению отношений с КНДР. По косвенным данным, в конце сентября 1969 г. во время визита в Пхеньян китайского премьер-министра Чжоу Эньлая было достигнуто соглашение, по которому общая граница была закреплена по середине озера на вершине горы Байтоушань [2, с. 138].

Подтверждением этого благоприятного для КНДР решения пограничного вопроса служит известная фотография президента Ким Ир Сена, стоящего на горе Байтоушань и обзирающего озеро, где по партийным преданиям он участвовал в партизанских действиях против японского оккупационного режима в Корее.

В 1970-х годах в китайской научной литературе также стали появляться упоминания о благополучном разрешении пограничных с КНДР споров. Так, например, в статье Гун Сюэчжу «Чанбайшань — естественный защитный район нашей страны» говорится: «Озеро на горе Байтоушань является пограничным между КНР и КНДР. Северная его часть находится в пределах нашей страны» [5, с. 7]. Кроме того, на всех географических картах, изданных в КНР после 1970 г., граница с КНДР обозначена по озеру на вершине горы Байтоушань.

Такой поворот событий не мог не привлечь внимание южнокорейских историков, которые в начале 1981 г. специально разыскали и опубликовали средневековую карту Корейского королевства, где вся гора Байтоушань показана на корейской территории. Однако это уже не смогло реанимировать прежнюю пограничную дискуссию между КНР и КНДР.

Более того, подтверждением полного урегулирования пограничных разногласий между КНР и КНДР служило и ослабление режима охраны границы по пограничным рекам. Корейцы могли свободно пересекать Ялуцзян и Тумэньцзян и навещать своих родственников в КНР, приграничное корейское население которой к тому времени возросло до 1,7 млн. чел. [8, с. 263].

Таким образом, в 1970–1980-е годы пограничный режим на китайско-корейской границе приобрёл тот же характер, который был предопределён пограничным соглашением 1904 г. между Китаем и Кореей и закреплён в соглашении между Китаем и Японией в 1909 г. Период 1970–1980-х годов характеризовался статичностью положения на китайско-корейской границе: пограничный контроль был ослаблен, и родственники могли свободно навещать друг друга.

В 1990-е годы в связи с резким ухудшением экономического положения в КНДР наблюдался несанкционированный массовый переход жителей северокорейских провинций в КНР, что вновь привело к ужесточению с обеих сторон пограничного контроля. В середине

1990-х годов китайские пограничные власти по требованию Пхеньяна предприняли пограничные рейды по выявлению и выдворению на родину северокорейских граждан, нелегально проживавших и работавших в Северо-Восточном Китае.

Насильственному переезду на родину подверглись не только северокорейские нелегалы, но и северокорейцы, женатые на китайских корейках. Особенно жестокие репрессии против северокорейских нелегалов наблюдались зимой 1998–1999 гг., когда в Пекине готовились к официальному визиту в Китай северокорейского лидера Ким Чен Ира [4, с. 10–11]. На китайских корейцев, приютивших своих северокорейских родственников, налагались высокие штрафы — до 5 тыс. юаней, что несколько сократило проникновение северокорейцев в Северо-Восточный Китай, но не решило проблему в принципе.

По свидетельству иностранной печати, северокорейские нелегалы тайно переходили в Северо-Восточный Китай в поисках пропитания и скудных заработков — им обычно платили в шесть раз меньше, чем местным жителям. Нередко северокорейские пограничники казнили на месте задержания пойманных нарушителей, но всё это не останавливало северокорейцев, которые считали, что «лучше умереть от пули, чем медленно умирать от голода».

Все эти события не могли не привести к дестабилизации положения в Корейском национальном автономном округе, восточные районы которого включены китайскими властями в проект «Туманган» и объявлены свободной экономической зоной. Разумеется, китайские местные и центральные власти, заинтересованные в успешной реализации проекта «Туманган», были обеспокоены сложившейся ситуацией и вынуждены усилить охрану границы по р. Тумэньцзян. Однако такие меры не могли служить гарантией привлечения иностранных инвестиций в этот регион. Ситуация с проектом «Туманган» осложнилась также тем, что КНДР построила у китайско-корейской границы военный полигон и провела там три подземных испытания ядерного оружия. Это обстоятельство отпугивало потенциальных инвесторов от создания предприятий в Корейском национальном автономном округе.

Китайское правительство, стремившееся к скорейшей реализации проекта «Туманган» и строительству международного порта в низовьях этой реки, выступило в начале 1990-х годов инициатором проведения трёхсторонних пограничных переговоров в целях более точного разграничения поверхности реки в месте схождения границ трёх государств — КНР, КНДР и России. Необходимость заключения подобного соглашения была вызвана также и тем, что р. Тумэньцзян со временем меняет в нижнем течении своё русло, которое постепенно перемещается к северу, т.е. в сторону российской территории.

Результатом шести трёхсторонних встреч, проходивших в 1993–1998 гг., явился Договор о территориальном разграничении низовой р. Тумэньцзян, подписанный 3 ноября 1998 г. в Пхеньяне российским послом в КНДР Валерием Денисовым, китайским послом Ван Юнсяном и заместителем министра иностранных дел КНДР Цой Су Хоном.

Этот договор сохранил прежний принцип разграничения территориальных вод р. Тумэньцзян, принятый за основу в ранее заключённых российско-северокорейских и китайско-северокорейских пограничных договорах, и зафиксировал прохождение пограничной линии по фарватеру реки. Договор также определил и юридически закрепил за тремя договаривающимися сторонами территориальные воды р. Тумэньцзян в месте схождения трёх пограничных линий и, кроме того, оговорил порядок прохождения судов по реке к Японскому морю и обратно.

В заключении необходимо отметить, что в течение трёх последних столетий вопрос о китайско-корейской сухопутной границе был тесно связан с несанкционированным переселением корейских крестьян в соседнюю Маньчжурию и явился производным от последнего. Первые попытки, предпринятые китайским и корейским правительствами, чтобы решить вопрос о статусе корейских мигрантов в Китае, повлекли за собой другую проблему — спор об определении границ между двумя государствами.

Ко времени образования КНР и КНДР единственно не уточнённым в предыдущих договорах участком границы оставался район верховьев р. Тумэньцзян и горы Байтоушань. Этот вопрос был, по всей видимости, решён в пограничном договоре 1969 г., заключённом между КНР и КНДР. И хотя пограничный спор, казалось, был исчерпан, однако всё ещё не были ликвидированы факторы, служившие поводом для пограничных конфликтов в прошлом.

После второй мировой войны возможность миграции корейского населения через китайско-корейскую сухопутную границу находилась в прямой зависимости от состояния политических отношений между КНР и КНДР и социально-экономических условий проживания населения в пограничных районах обоих государств. В целом граница между двумя государствами оставалась сравнительно прозрачной, чему в немалой степени способствовало проживание корейского населения по обоим берегам р. Тумэньцзян.

Литература

1. Атлас Кореи. Пхеньян, 1958. 127 с.
2. Китайская Народная Республика в 1970 г. М.: Наука, 1971. 294 с.

3. Корейско-китайские отношения с древнейших времён до наших дней. Спец. бюлл. № 58. М.: Институт востоковедения РАН, 1965. 230 с.
4. *Welsh T.* Few Signs of Life. A US Missionary's Trip to the North Korean Border Bolsters His Relief Efforts // *Korea Newsreview*. Seoul. March 13, 1999. Vol. 28. No. 11. P. 10–11.
5. *Гун Сюэчжун.* Чанбайшань ши цзыжань фанху дэ дицюй (Чанбайшань — естественный защитный район) // *Дили чжиши*. Пекин. 1975. № 2. С. 5–8.
6. *Е Шанчжи, Цзюнь Ли.* Вомэнь вэйда цзуго дэ Яньцзи Чаосянь миньцзу чжоу (Корейский национальный автономный округ Яньцзи нашей великой родины). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1957. 53 с.
7. Цзю Чжунго гоцзи тяоюэ цзи (Сборник международных договоров старого Китая): в 2-х тт. Т. 1. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1957.
8. Чаосяньцзу яньцзю луньцунь (Сборник исследований о корейцах). Т. 2. Яньцзи: Яньбянь жэньминь чубаньшэ, 1989.

*L. V. Zabrovskaya**

Settlement of border disputes between PRC and DPRK

ABSTRACT: The article deals with the history of the Sino-Korean border as a component of interstate relations between the two countries. Long-lasting Sino-Korean border disputes were mainly connected with the Korean immigrants living within the Chinese territory of former Jiandao Region. Although the border dispute between PRC and DPRK is settled, the factors that caused in the past the frontier conflicts still exist.

KEYWORDS: China, the DPRK, frontier conflicts, Sino-Korean border, Jiandao.

* Zabrovskaya Larissa Vyacheslavovna, Doctor of History, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern People, Far Eastern Branch of the RAS, Vladivostok, Russia: E-mail: larisa51@hotmail.com